

УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2024-51-4-923-933

Оригинальное исследование

На пути к «предписанному» православию: феномен конфессионализации в раннемодерной европейской и русской истории и историографии

Пенской В.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: penskoy@bsuedu.ru

Аннотация. Растянувшийся на более чем три столетия процесс формирования раннемодерных государств включал в себя трансформацию не только политической, социальной и экономической сфер жизни европейских государства и общества, но и сферы религиозно-идеологической. Здесь, на этом поле взаимодействия государства, церкви и общества, в это время рождается любопытный феномен, который в немецкой историографии третьей четверти XX в. получил примечательное название «конфессионализация». Эта оригинальная концепция довольно быстро стала достаточно популярной в германской исторической науке, а с началом нового тысячелетия проникла и в отечественную историографию. В данной статье автор рассматривает этот исторический, политический, социальный и религиозно-культурный феномен как составную и неотъемлемую часть трансформации средневекового государства и общества в раннемодерное и особенности его изучения в европейской и современной российской исторической науке.

Ключевые слова: Средневековье, раннее Новое время, традиция, обычай, православие, государство, церковь, конфессионализация, Россия

Для цитирования: Пенской В.В. 2024. На пути к «предписанному» православию: феномен конфессионализации в раннемодерной европейской и русской истории и историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 51(4): 923–933. DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-923-933.

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

On the Way to “Prescribed” Orthodoxy: The Phenomenon of Confessionalization in Early Modern European and Russian History and Historiography

Vitaliy V. Penskov

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: penskoy@bsuedu.ru

Abstract. The process of formation of early modern states, which stretched for more than three centuries, included the transformation of not only the political, social and economic spheres of life in the European state and society, but also the religious and ideological sphere. In that field of interaction between the state, church and society, and at that time, a curious phenomenon was born, which was described as “confessionalization” in German historiography of the 3d quarter of the 20th century. This original concept quickly won its place under the sun and became quite popular in German historical science. It penetrated into Russian historiography with the beginning of the new millennium. In this article, the author examines this historical, political, social, religious and cultural phenomenon as an integral and inseparable part of the transformation of the medieval state and society into an early modern one and the peculiarities of its study in European and especially in modern Russian historical science.

© Пенской В.В., 2024

Keywords: Middle Ages, Early Modern, Tradition, Custom, Orthodoxy, State, Church, Confessionalization, Russia

For citation: Penskoj V.V. 2024. On the Way to “Prescribed” Orthodoxy: The Phenomenon of Confessionalization in Early Modern European and Russian History and Historiography. *Via in tempore. History and political science*, 51(4): 923–933 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2024-51-4-923-933.

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

Тридцать два года назад британский историк Н. Хеншелл в своем «Мифе абсолютизма» писал, что «до Великой Французской революции ”Франция“ оставалась понятием географическим», а раз так, то и король Франции «правил не национальным государством. Его подданные не обладали развитым национальным самосознанием», поскольку в то время «понятие ”нация“ в политическом, расовом или лингвистическом смысле было слишком туманным, чтобы рождала ту верность, которая была в этот период основой всех отношений внутри государства». Но если не «нация» порождала чувство верности, которое сплачивало бы подданных короля, то что могло породить его? Хеншелл дает ответ на этот вопрос: «Люди были преданы своей семье, своему господину, своему городу, своей провинции, своему классу, **своей религии** (выделено нами – В.П.) или своему королю» [Henshall, 1992, 8].

Объект и методы исследования

Государство, церковь и общество в раннее Новое время – особенности взаимоотношений

В качестве объекта исследования выступают особенности взаимодействия государства, общества и церкви в раннее Новое время – в эпоху, когда складываются т. н. «централизованные» государства, предметом же – феномен «конфессионализации», который напрямую был связан с процессами трансформации средневекового государства и общества в раннемодерные. В процессе исследования сущности этого феномена и истории его изучения как за рубежом, так и в современной России были использованы методы прежде всего сравнительно-исторический (который позволил выявить особенности развития конфессионализации в Европе, в первую очередь в Германии и в России); историко-культурный (позволивший выявить и проанализировать основные черты, характерные для европейского/германского и русского вариантов конфессионализации с учетом конкретно-исторических условий, в которых они реализовывались) и историко-системный (помещающий исследуемый объект в исторический контекст и позволяющий изучить его всесторонне, комплексно).

Раннее Новое время, хронологические рамки которого принято определять, как вторая половина XV / рубеж XV–XVI вв. – конец XVIII в. [См., например: Дмитриева, 2009, с. 122–129; Всемирная история, 2013; Бельцер, 2020, с. 146–159 и др.], было временем складывания модерных государств, формирование ранней модели которых, традиционно именуемых «централизованными», пришлось на «долгий XVI век» (термин Ф. Броделя [Braudel, 1973, 893–895]), середину XV – середину XVII вв. Процесс складывания этих «централизованных» государств, серьезно растянувшийся во времени, шел по нескольким основным направлениям и своим конечным результатом имел наращивание т. н. «sinews of power» [См.: Brewer, 1989], «жил власти».

«Жилы власти», как определяла их американский русист Н. Коллманн, представляли собой процессы формирования верховной властью соответствующей инфраструктуры для проведения военных реформ (обусловленных начавшейся в «долгом XVI веке» т. н. «военной революции» [См., например: Roberts, 1967, p. 195–225; Downing, 1988, p. 7–56; DeVries, 1998, p. 127–145 и др.]) и территориальной экспансии (породившей феномен раннемодерных «лоскутных» империй [См., например: Chaunu, 1966, 38; MacKenney, 2002]). Создание

этой инфраструктуры, продолжала далее историк, проходило по нескольким направлениям одновременно. Это и выстраивание новой административно-бюрократической машины, создаваемой для управления территориями и мобилизации ресурсов, людских, материальных и финансовых (через упорядочивание налоговой системы и введения, если это окажется возможным, новых податей и повинностей); и совершенствование правовой и судебной систем; и отработка новых способов и приемов легитимации власти посредством совершенствования старых и создания новых репрезентационных практик [Kollmann, 2012, p. 1–2].

И среди этих «стратегий», которые служили делу формирования централизованных государств раннего Нового времени, далеко не последнее место занимала т. н. «конфессионализация» – как определяла ее сущность Н. Коллманн, «движения в рамках католической и протестантской конфессий, направленные на четкое формулирование вероучения и дисциплинирование членов общины» [Kollmann, 2012, p. 2].

В том, что конфессионализация играла важную роль в политических процессах того времени, сомневаться не приходится. Без нее была невозможна консолидация общества во круг государства и официальной церкви, которая чем дальше, тем в большей степени становилась частью государственной машины. И в условиях, когда понятие «нации» оставалось уделом немногочисленного и очень узкого круга интеллектуалов-книжников (в среде которых, собственно, и рождается постепенно это понятие), именно религиозная идея выступала одной из тех важнейших идеологических скреп (наряду с идеями монархии и династии) ранне-модерного государства. Не имея возможности поставить под свой контроль каждого члена общества в отдельности и диктовать свою волю этому обществу в целом, государство, верховная власть была вынуждена искать дополнительные «передаточные» «звенья», посредством которых она могла, с одной стороны, довести до каждого члена общества и каждой первичной социальной ячейки общества свою волю, а с другой – обрести недостающую ему легитимность. Церковь с ее наработанными веками инструментами массовой индоктринации (хотя бы и через систему приходов) на тот момент подходила для этой цели как нельзя лучше, заменяя собой и отсутствующие на то время СМИ, и систему массового образования.

Выделенное замечание в длинной цитате из «Мифа абсолютизма» относительно религиозного единства как идеологической основы построения новой государственности имеет самое непосредственное отношение к теме нашего небольшого исследования. В условиях, когда понятие «государство» было для большинства населения достаточно далеким, туманным, если не враждебным; когда языковой партикуляризм однозначно доминировал и жители разных провинций и регионов разговаривали на разных диалектах пусть первоначально и одного и того же языка, но к раннему Новому времени удалившихся друг от друга настолько, что они порой с трудом понимали друг друга; когда разность обычаев и традиций еще больше отдаляли их друг от друга – только две больших идеи могли более или менее объединить эти разрозненные и нередко враждебно настроенные по отношению друг к другу социальные, этнокультурные и иные первичные общности.

Первая из этих идей – это идея монархии (или династии), а вторая – это религия. «Како веруеши?» – простой вопрос, который позволял определиться с принадлежностью отвечающего, «свой» ли он или же «чужой». Однако в раннее Новое время этот вопрос обретал еще и ярко выраженное политическое звучание именно в силу тех самых причин, которые обозначил Н. Хеншелл. К ранне-модерному Русскому государству, которое по традиции принято называть «централизованным», это имело не меньшее, если не большее значение. Российский историк А.Б. Каменский, касаясь той роли, которую играло православие в истории Русского государства и общества, отмечал, что со времен ордынского ига «православие обеспечивало единство русских людей и играло роль, аналогичную той, какую в течение многих веков играл иудаизм для евреев диаспоры. **Религиозное единство было важнейшим условием, идеологической базой создания новой государственности** (выделено нами – В.П.)...» [Каменский, 1999, 27–28].

Насаждаемая «сверху» официальная вера породила ту самую верность как ее основу, о которой и писал Н. Хеншелл в цитате, с которой была начата эта статья. И именно она должна была способствовать достижению идеала раннемодерной монархии, сущность которого была выражена лаконично, но в то же время емко в девизе северофранцузского города Кан – «Un Dieu, un Roy, une Foy, une Loy» («Один Бог, один Король, одна Вера, один Закон»).

В самом деле, ревностное исповедание официальной религии и строгое следование ее требованиям служило отличным маркером, с одной стороны, позволявшим отличить «своего» от «чужого», а с другой стороны – лояльного подданного от нелояльного. И для «долгого XVI века» это было особенно важно, если принять во внимание то обстоятельство, что именно в эти десятилетия произошло разрушение единого мистического тела, объединявшего многочисленные позднесредневековые *corporations* в одно целое, внутри которого каждая *corporation* и каждый ее член играли свою определенную роль ради достижения всеобщего блага и спасения души. В условиях, когда число *corporations* достигло своего абсолюта по сравнению с предыдущими временами, и эти первичные социальные общности, как отмечали отечественные историки А.Ю. Согомонов и П.Ю. Уваров, «находились между собой в чрезвычайно запутанных отношениях соподчинения, соперничества, конкуренции, противоречия и пр., а степень их сложности критически возрастала», идея поддержания единства мистического тела обретает новое измерение: «Существование реальных или воображаемых "других" мешало укреплению метафоры единого мистического тела» [Согомонов, Уваров, 2001, с. 205, 206]. Отсюда и столь характерные именно для раннего Нового времени широко-масштабные, сопряженные с массовым кровопролитием, гонения на «других»: **«надо было бороться против всего, что мешало общине быть подлинным образом Града Божьего, оплотом спасения»** (выделено нами – **В.П.**)...» [Согомонов, Уваров, 2001, с. 206].

Реформация и последовавшая за ней как ответ католического сообщества Контрреформация («католическая Реформа», или «католическое возрождение») были неотъемлемой и едва ли не важнейшей частью этого захватившего всю Европу процесса. «Очищение веры, ее "восстановление" было необходимо для того, чтобы спасти единое тело общины верных» [Согомонов, Уваров, 2001, с. 207]. Однако ни Реформация, ни Контрреформация не сумели добиться своей цели и доказать свою абсолютную непогрешимость и единственную правоту в вопросах веры и организации церковно-религиозной жизни. Средневековая *Respublica Christiana* раскололась, а вместе с ней и то самое единое мистическое тело, объединявшее многочисленные *corporationes* и их членов в одно целое. «Надо было любым путем восстановить конфессиональное единство общины, королевства, христианского мира, и, следовательно, всего макрокосма. И в этом католики и протестанты сходились во мнениях», – подчеркивали А.Ю. Согомонов и П.Ю. Уваров [Согомонов, Уваров, 2001, с. 207].

Так как сама расколовшаяся церковь оказалась неспособна самостоятельно решить эту проблему (больше того, протестантизм очень быстро сам начал дробиться на течения, зачастую враждебно настроенные по отношению друг к другу) и защитить свои каноны и догмы от давления со стороны конкурентов, то эту задачу взяло на себя (преследуя при этом в том числе и чисто утилитарные цели) раннемодерное государство – с одной стороны, «сверху». И, в общем-то, не случайно немецкий политэконом В. Рошер еще в 1847 г., рассматривая проблему формирования европейского абсолютизма, выделил первую его стадию (время существования которой он определял от начала Реформации до окончания Тридцатилетней войны), которую предложил именовать «конфессиональным абсолютизмом» [Roscher, 1847, s. 451]. Его сущность Рошер определял как следование принципу «*Cuius regio eius religio*» (принцип, де-факто легший в основу религиозного мира, принятого на имперском рейхстаге в Аугсбурге в 1555 г., но официально сформулированный немецким юристом И. Стефани в 1576 г.). Идею Рошера развил австрийский историк К. Эдер, в 1949 г. отмечавший, что **конфессиональные интересы** не только определяли направление политики, но и **использовались властью для укрепления своих позиций в обществе** (выделено нами – **В.П.**) [См.: Eder, 1949]. Религиозная санкция, подчеркнем это еще раз, давала власти недостающую ей легитимность в глазах подданных, и

пренебречь ею она никак не могла в условиях, когда мускулатура власти не была развита в такой степени, которая позволила бы ей обойтись без этих дополнительных подпорок.

Вместе с тем стоит заметить, что религиозное единомыслие спускалось не только «сверху», но и «снизу». В борьбу за восстановление конфессионального единства общества активно включились те самые низовые сообщества-*corporationes*, о которых шла речь раньше (любопытное свидетельство приводит немецкий историк Н. Шиллинг, цитируя аахенскую хронику нач. XVII в. – по убеждению хрониста, городская община есть сообщество, объединенное символом веры [Цит. по: Schilling, 1992, s. 234]). Их участие в этой борьбе за восстановление конфессионального единства было обусловлено самой природой раннемодерной государственности, ее институциональной слабостью. Она основывалась не только и не столько на направленном «сверху» «вниз» насилии, сколько на достижении посредством переговоров определенного компромисса между властью и *corporationes* (впрочем, это отнюдь не исключало и использование силы) [См., например: Brewer., Hellmuth, 1999, p. 12]. Этот компромисс гарантировал сохранение за *corporationes* их традиционных привилегий и свобод. Власть же получала взамен лояльность своих подданных и их поддержку в исполнении общественно значимых своих функций. И религиозный вопрос в этом компромиссе занимал далеко не последнее место (в этом плане примечательным представляется недавнее исследование А.Д. Щеглова о начальном этапе Реформации в Швеции [См.: Щеглов, 2017]).

Итак, совместными усилиями власти, церкви и *corporationes* в странах Западной Европы на протяжении 2-й четв. XVI – 1-й пол. XVII вв. в общем и в целом был завершен процесс религиозного размежевания и формирования обновленной католической конфессии и множества протестантских, среди которых выделялись лютеранская (евангелическая) и разные изводы кальвинистской. И поскольку Реформация началась в Германии и процессы, связанные с религиозным размежеванием и последующим выстраиванием конфессий не просто как определенного вероисповедания (символа веры), а, по словам отечественного германиста А.Ю. Прокопьева, как совокупности догмы, повседневных норм поведения и социальных институтов (а от себя мы добавим – и институтов политических. **В.П.**) [См.: Прокопьев, 2004, с. 14], то именно немецким исследователям принадлежит честь ввода в научный оборот самого термина «конфессионализация» (*Konfessionalisierung*).

Результаты исследования и их обсуждение

Конфессионализация – к историографии проблемы

Историография проблемы в свое время была основательно проанализирована А.Ю. Прокопьевым [См.: Прокопьев, 2004, с. 6–30. См. также: Прокопьев, 2008, с. 7–27, 33–36; Lotz-Neumann, 2008, p. 136–149], что избавляет нас от необходимости подробно рассматривать этот вопрос. Отметим лишь несколько наиболее важных, на наш взгляд, моментов. Под термином «конфессионализация» сегодня принято понимать сложные социально-политические и идеологические (мы рассматриваем религию вне зависимости от того, какое обличье она принимает – католическое, евангелическое, реформатское, православное или какое-либо другое, – прежде всего, как характерную для той эпохи форму идеологии, в т. ч. государственной) процессы трансформации из средневекового в раннемодерное состояние, протекавшие внутри государства и сословного общества Европы в XV–XVIII вв. И, хотя этот термин и родился относительно недавно, во 2-й пол. XX в., однако он имеет долгую и непростую предысторию.

На протяжении большей части XIX столетия Реформация и католический ответ на нее рассматривались преимущественно и главным образом как религиозно-политический феномен, но с началом XX в. в изучение истории противостояния протестантизма и католицизма вливается осязаемый социологический «поток». Э. Трельч, который и ввел, собственно говоря, термин «конфессионализм», по словам А.Ю. Прокопьева, подчеркивал, что лютеранство (а вслед за ним и другие конфессии – **В.П.**) могло обрести свое место в европейском сообществе

только в том случае, если смогло бы приспособить структуры и институты повседневности к требованиям догмы [См.: Прокопьев, 2004, с. 9].

Собственно говоря, отсюда до «конфессионализации» было уже совсем недалеко – один-два шага, но прежде чем они были сделаны, Германии пришлось дважды пережить национальную катастрофу – в 1918 г. и еще более масштабную – в 1945 г. Пересмотру подверглись многие устоявшиеся и казавшиеся незыблемыми историографические концепции, в том числе и касавшиеся истории Реформации и всего, что с нею было связано. И в процессе этого послевоенного пересмотра, собственно, и рождается идея *Konfessionalisierung*. У истоков ее, по мнению А.Ю. Прокопьева, стояли О. Бруннер и К. Эдер (упоминавшийся нами выше), затем их дело продолжил и развил Э. Цееден [См., например: Zeeden, 1956; Zeeden, 1958; Zeeden, 1985]. В 1958 г. с его легкой руки появляется термин *Konfessionsbildung* («Создание конфессий»), посредством которого он характеризовал процесс формирования и обособления, территориального, идеологического и организационного, в Священной Римской империи трех противостоящих друг другу конфессий – католической, лютеранской и кальвинистской, каждая из которых в ходе этого процесса заполучила все необходимые атрибуты и институты независимого и отличного от других вероучения.

Преемники Э. Цеедена, историки нового поколения, такие как В. Райнхард [См., например: Reinhard, 1983], Х. Шиллинг [См., например: Schilling, 1988a; Schilling, 1988b], Г. Шмидт [См., например: Schmidt, 1992; Schmidt, 1997] и др., продолжили начатое им дело. В их работах *Konfessionsbildung* постепенно обретает новое измерение, окончательно покинув сугубо религиозно-политическую площадку. В их исследованиях *Konfessionsbildung* трансформируется в более широкое и объемное понятие *Konfessionalisierung*, «конфессионализацию» (усилиями прежде всего В. Райнхарда и Х. Шиллинга) [См.: Lotz-Neumann U., Pohlig M., 2007], которая понимается как масштабный процесс глубокой трансформации западноевропейского общества и его основных политических, социальных и идеологических институтов в раннее Новое время, обусловивших рождение раннемодерного государства и общества.

Процессы, связанные с *Konfessionalisierung*, сопровождались параллельно и т. н. *Sozialdisziplinierung*, «социальным дисциплинированием». Впервые употребивший в 1968 г. этот термин немецкий историк Г. Острайх полагал, что «социальное дисциплинирование» в раннемодерной Европе представляло собой спускаемые «сверху», со стороны власти (и официальной, поддерживаемой государством, церкви), всевозможные запреты и ограничения. Посредством этих правовых и внеправовых норм индивид загонялся в узкий «коридор» «разрешенного» поведения, а его повседневная жизнь ставилась под жесткий внешний контроль [См., например: Oestreich, 1969]. Однако, на наш взгляд, социальное дисциплинирование в силу слабости раннемодерного государства не могло бы иметь успеха, если бы не нашло поддержки «снизу» (на что указывала, к примеру, М.А. Корзо [См.: Корзо, 2003, с. 89–102]), так что и в этом случае мы снова видим взаимодействие государства (и официальной церкви) и *corporationes*.

Характеризуя процесс конфессионализации и социального дисциплинирования, один из ведущих немецких специалистов по этой проблеме, Г. Шмидт, отмечал, что это двусторонний процесс. Он включал в себя не только правовую и организационную институционализацию конфессий, но и превращение конфессий в единую форму повседневной жизни и быта мирян. И все это теснейшим образом было связано с политической историей Европы раннего Нового времени [См.: Schmidt, 1992, s. 2.], с процессами формирования раннемодерной государственности и пресловутого «конфессионального абсолютизма», в котором религия в форме разрешенной властью конфессии выполняла роль официальной идеологии, сплачивавшей общество вокруг правителя и официальной церкви, и маркера, позволявшего отличить лояльного верноподданного от «инога».

Подобная широкая трактовка конфессионализации позволила этой концепции «выйти» за пределы раннемодерной Германии и найти применение для изучения процессов перемен в религиозной, политической и социальной сферах жизни других регионов Европы того времени [См., например: Reformation and early..., 2008], в т. ч. и Восточной [См.,

например: Brúning, 2008, p. 66–97]. Правда, стоит заметить, что французская и британская историография без особого энтузиазма отнеслись к идее применения основных положений конфессионализации к местным историческим реалиям [См., например: Morrisey, 2015].

Естественно, что после падения «железного занавеса» и начала масштабных перемен, затронувших все стороны жизни общества и науки на постсоветском пространстве, концепт конфессионализации вошел в методологический арсенал историков в России и сопредельных стран, прежде всего Украины и Белоруссии. Само собой неизбежным было то, что на первых порах наибольший вклад в распространение концепции конфессионализации в российском историческом сообществе сыграли отечественные германисты, например, А.Ю. Прокопьев (перу которого, как уже было отмечено выше, принадлежит и первый объемный русскоязычный очерк о возникновении и развитии идеи конфессионализации в немецкой историографии).

Постепенно к изучению религиозных процессов в раннемодерной России и соседних государствах (прежде всего в Речи Посполитой) присоединяются и историки-слависты. Среди них выделяется фигура М.В. Дмитриева, который на данный момент является одним из ведущих российских специалистов по проблеме применительно к православному миру Восточной Европы. Среди его работ, так или иначе связанных с проблемой «православной конфессионализации», особо стоит выделить статью «Православная конфессионализация в Восточной Европе во второй половине XVI века» [Дмитриев, 2012, с. 133–152], которая носит в значительной степени программный характер. Помимо обширного историографического раздела, она включает в себя и раздел, в котором ее автор формулирует важные, на его взгляд, вопросы, связанные с проблемой конфессионализации на восточноевропейском православном пространстве и ее особенностями в сравнении с аналогичными процессами в Европе.

Такой же программный, концептуальный характер носит и статья Л.Б. Сукиной «Концепция «конфессионализации» – одна из возможных парадигм изучения русской истории XVI–XVII веков» [Сукина, 2014, с. 115–119]. Характеризуя религиозные процессы в раннемодерной России, автор статьи отмечала, что «в религиозной жизни России XVI–XVII вв. сформировались все формальные признаки процесса “конфессионализации”, но их проявления в социальных и культурных условиях конкретной исторической среды отличались существенным своеобразием», и это своеобразие вело к тому, что, по мнению исследователя, «вопрос о релевантности теории конфессионализации применительно к русской истории XVI–XVII вв. остается открытым» [Сукина, 2014, с. 115, 119]. Однако в своей последней монографии исследователь несколько пересмотрела свои прежние взгляды и пришла к выводу, что в раннее Новое время усилиями государства и церкви в России складывается «предписанное православие» (данный термин, предложенный исследователем, весьма удачно, на наш взгляд, отражает сущность конфессионализации – **В.П.**) как система регламентировавших религиозную и повседневную жизнь мирян и клириков требований, оформленных законодательно (как в светском, так и в каноническом праве). Формирование этого «предписанного православия» Л.Б. Сукина ставит на одну доску с процессами конфессионализации в Европе в эти столетия [См.: Сукина, 2021, с. 43–44], т. е., по ее мнению, это равноценные процессы, которые в конечном итоге вели к схожим результатам.

В последние годы концепт «конфессионализации» (в широком смысле) занял достаточно прочное место среди проблем, которые входят в круг интересующих новое поколение отечественных историков вопросов русской истории [См., например: Зуев, 2011, с. 412–416; Крылов, 2013, с. 51–62; Хондзинский, 2015, с. 9–17 и др.]. Так, например, вопросы, связанные с применимостью концепции конфессионализации к конкретно-исторической ситуации в тех или иных странах Европы, в т. ч. и Восточной, регулярно обсуждаются в рамках работы научно-учебной лаборатории медиевистических исследований ВШЭ. Так, 25 ноября 2015 г. в рамках цикла «Дискуссионное Средневековье» прошла дискуссия на тему «Konfessionalisierung в истории западно-христианских обществ раннего Нового времени»; 21 октября 2021 г. – круглый стол «Социальная дисциплинаризация в католической Франции XVII в.»; 10 декабря того же года – семинар «Католицизм и социальная дисциплинаризация в Европе XVII в.», а 2 марта 2022 г. прошел семинар «Социальная дисциплинаризация в церковных приходах Московской Руси XVII в.».

Заключение

Подводя итоги всему вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что проблема конфессионализации смогла обосноваться в современном российском историческом дискурсе. Ее использование как инструмента для изучения проблем формирования раннемодерной государственности и общества в России имеет неплохой эвристический потенциал. Использование этой концепции, на наш взгляд, позволяет по-новому взглянуть на ряд важных аспектов процессов, протекавших в религиозно-политической, социальной и духовной сферах жизни русского общества в XV–XVIII вв. К этой проблеме мы обратимся во второй части статьи.

Список литературы

- Бельцер А.А. 2020. Раннее Новое время: размышления о границах периода (по материалам конференции). *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени*. Москва, Наука, Вып. 81(2): 146–159.
- Всемирная история. 2013. Мир в раннее Новое время. Т. 3. Москва, Наука, 854 с.
- Дмитриев М.В. 2012. «Православная конфессионализация» в Восточной Европе во второй половине XVI века. *Дрогобицкий краеведческий збірник*. Дрогобич: Коло, Вып. XVI: 133–152.
- Дмитриева О.В. 2009. О периодизации, модернизации и книжном тиснении. *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени*. Москва, Наука. Вып. 70(1–2): 122–129.
- Зуев И.В. 2011. Проблема «социального дисциплинирования» в немецкой деревне XVI–XVII вв. в работе Матиаса Вебера. *Известия ПГПУ им. В.Г. Беллинского*. 23: 412–416.
- Каменский А.Б. 1999. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. Москва, Новое литературное обозрение. 328 с.
- Корзо М.А. 2003. Проблемы нравственного реформирования общества в эпоху раннего Нового времени. *Этическая мысль*. 4: 89–102.
- Крылов А.О. 2013. Четы-Миней митрополита Дмитрия Ростовского (к вопросу о конфессионализации в России рубежа XVII–XVIII вв.). *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 1: 51–62.
- Прокопьев А.Ю. 2004. Введение. Реформация, Контрреформация, Конфессионализация. В кн.: Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: Доклады русско-немецкой конференции 14–16 ноября 2000 г. Санкт-Петербург, Алетейя: 5–30.
- Прокопьев А.Ю. 2008. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петерб. ун-та, 483 с.
- Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. 2001. Открытие социального (парадокс XVI века). В кн.: Одиссей. Человек в истории. Москва, Наука: 199–215.
- Сукина Л.Б. 2014. Концепция «конфессионализации» – одна из возможных парадигм изучения русской истории XVI–XVII веков? *Вестник СПбГУ*. Сер. 17. Вып. 2: 115–119.
- Сукина Л.Б. 2021. Поздняя осень русского Средневековья. Очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.). Москва, Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив. 359 с.
- Хондзинский П.В. 2015. «Поле» конфессионализации: опыт приложения теории к русской духовной традиции. *Вестник ПСТГУ. II. История. История Русской Православной Церкви*. Вып. 2(63): 9–17.
- Щеглов А.Д. 2017. Реформация в Швеции: события, деятели, документы. Москва – Санкт-Петербург, Центр гуманитарных дисциплин, 384 с.
- Braudel F. 1974. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. Vol. II. London: Harper & Row, 1375 p.
- Brewer J. 1989. *The Sinews of Power. War, Money and the English State, 1688–1783*. London, Unwin Human, 253 p.
- Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany*. Oxford & New York: Cambridge University Press, 1–22.

- Brúning A. 2008. Confessionalization in the *Slavia Orthodoxa* (Belorussia, Ukraine, Russia)? – Potential and Limits of a Western Historiographical Concept in Religion and the Conceptual Boundary. Central and Eastern Europe. Encounter of Faiths. New York: Palgrave MacMillan, 66–97.
- Chaunu P. 1966. La civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 705 p.
- DeVries K. 1998. Gunpowder Weaponry and the Rise of the Early Modern State in War in History. № 5(2), 127–145.
- Downing B.M. 1988. Constitutionalism, Warfare, and Political Change. Early Modern Europe in Theory and Society. Vol. 17. № 1 (Jan), 7–56.
- Eder K. 1949. Die Kirche im Zeitalter des konfessionellen Absolutismus (1555–1648). Wien: Herder Verlag, XVII. 459 p.
- Henshall, N. 1992. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy. London & New York, Longman, 245 p.
- Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.
- Lotz-Heumann U. 2008. Confessionalization. Reformation and Early Modern Europe: A Guide to Research. Kirksville: Truman State University Press, 136–160.
- Lotz-Heumann U., Pohlig M. 2007. Confessionalization and Literature in the Empire, 1555–1700. Central European History. Vol. 40. № 1 (Mar.), 35–61.
- MacKenney R. 2002. Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict. London: Macmillan, 393 p.
- Morrissey N. 2015. Confessionalism and Conversion in the Reformation [Электронный ресурс]. URL: <https://centaur.reading.ac.uk/40746/>
- Oestreish G. 1969. Strukturprobleme des europäischen Absolutismus. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgechichte. Bd. 55, 329–347.
- Reformation and Early Modern Europe: A Guide to Research. 2008. Kirksville: Truman State University Press, 456 p.
- Reinhard W. 1983. Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie der konfessionalen Zeitalters. Zeitschrift für Historische Forschung. Bd 10, 257–278.
- Roberts M. 1967. The Military Revolution, 1560–1660. Roberts M. Essays in Swedish History. London, 195–225.
- Roscher W. 1847. Umriss zur Naturlehre der drei Staatsformen // Allgemeine ZeitSchrift für Geschichte. # 7, 79–88, 322–365, 436–473.
- Schilling H. 1988. Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648. Berlin: Siedler Verlag, 507.
- Schilling H. 1988. Die Konfessionalisierung im Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620. Historische Zeitschrift. № 246, 1–45.
- Schilling H. 1992. Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society. Essays in German and Dutch History. Leiden: Brill, 434 p.
- Schmidt H.R. 1992. Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München; Oldenbourg, 153 p.
- Schmidt H.R. 1997. Sozialdisziplinierung? Ein Plädoyer für das Ende des Etatismus in der Konfessionalisierungsforschung. Historisch Zeitschrift. Band 265, 639–682.
- Zeeden E. 1958. Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeildter der Glaubenskampfe. Historische Zeitschrift. № 185, 249–299.
- Zeeden E.W. 1985. Konfessionsbildulg: Studien zur Reformation, Gegenreformation und katolische Reform. Stuttgart: Klett-Gotta Verlag, 391 p.
- Zeeden E.W. 1956. Zeittalter der europäischen Glaubenskäpfe, Gegenreformation und katholische Reform. Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte. VII. Heft 3, 321–368 p.

References

- Bel'cer, A.A. 2020. Rannee Novoe vremya: razmy'shleniya o graniczax perioda (po materialam konferencii) [Early Modern Times: Reflections on the Boundaries of the Period (Based on Conference Materials)]. In *Srednie veka. Issledovaniya po istorii Srednevekov`ya i rannego Novogo vremeni*. Moscow, Nauka. Vy`p. 81(2): 146–159.
- Vsemimaya istoriya. T. 3. Mir v rannee Novoe vremya [World History. Vol. 3. The World in the Early Modern Time]. 2013. Moscow, Nauka. 854 p.

- Dmitriev M.V. 2012. «Pravoslavnaya konfessionalizaciya» v Vostochnoj Evrope vo vtoroj polovine XVI veka [“Orthodox Confessionalization” in Eastern Europe in the Second Half of the 16th Century]. In *Drogobicz'kij kraeeznavchij zbirnik*. Drogobich: Kolo. Vip. XVI: 133–152.
- Dmitrieva O.V. 2009. O periodizacii, modernizacii i knizhnom tischenii [On Periodization, Modernization, and Book Stamping]. In *Srednie veka. Issledovaniya po istorii Srednevekov`ya i rannego Novogo vremeni*. Moscow, Nauka. Vy`p. 70(1–2): 122–129.
- Zuev I.V. 2011. Problema «social`nogo disciplinirovaniya» v nemeckoj derevne XVI–XVII vv. v rabote Matiasa Vebera [The Problem of "Social Discipline" in the German Village of the 16th – 17th Centuries in the Work of Matthias Weber]. In *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*. 23: 412–416.
- Kamenskij A.B. 1999. Rossijskaya imperiya v XVIII veke: tradicii i modernizaciya [Russian Empire in the 18th Century: Traditions and Modernization]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.
- Korzo M.A. 2003. Problemy` npravstvennogo reformirovaniya obshhestva v e`poxu rannego Novogo vremeni [Problems of Moral Reformation of Society in the Early Modern Era]. In *E`ticheskaya my`s'l`*. 4: 89–102.
- Kry`lov A.O. 2013. Chet`i-Minei mitropolita Dimitriya Rostovskogo (k voprosu o konfessionalizacii v Rossii rubezha XVII–XVIII vv.) [Chetyi-Minci of Metropolitan Dimitry of Rostov (on the Issue of Confessionalization in Russia at the Turn of the 17th – 18th Centuries)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya*. 1: 51–62.
- Prokop`ev A.Yu. 2004. Vvedenie. Reformaciya, Kontreformaciya, Konfessionalizaciya [Introduction. Reformation, Counter-Reformation, Confessionalization]. In *Konfessionalizaciya v Zapadnoj i Vostochnoj Evrope v rannee Novoe vremya: Doklady` russko-nemeckoj konferencii 14–16 noyabrya 2000 g.* Saint Petersburg, Aletejya: 5–30.
- Prokop`ev A.Yu. 2008. Germaniya v e`poxu religioznogo raskola. 1555–1648 [Germany in the Era of Religious Schism. 1555–1648]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 483 p.
- Sogomonov A.Yu., Uvarov P.Yu. 2001. Otkry`tie social`nogo (paradoks XVI veka) [Discovery of the Social (the Paradox of the XVI Century)]. In *Odissej. Chelovek v istorii*. Moscow, Nauka: 199–215.
- Sukina L. B. 2014. Konceptiya «konfessionalizacii» – odna iz vozmozhny`x paradigm izucheniya russkoj istorii XVI–XVII vekov [The Concept of "Confessionalization" – One of the Possible Paradigms for Studying Russian History of the 16<sup>th</sup> – 17th Centuries?]. In *Vestnik SPbGU. Ser. 17. Vy`p. 2*: 115–119.
- Sukina L.B. 2021. Pozdnyaya osen` russkogo Srednevekov`ya. Ocherki kul`turnoj istorii Moskovskogo gosudarstva (XVI–XVII vv.) [Late Autumn of the Russian Middle Ages. Essays on the Cultural History of the Moscow State (16th – 17th Centuries)]. Moscow, Saint Petersburg, Centr gumanitarny`x iniciativ. 359 p.
- Xondzinskij P.V. 2015. «Pole» konfessionalizaciii: opy`t prilozheniya teorii k russkoj duxovnoj tradicii ["Field" of Confessionalization: An Experience of Applying Theory to the Russian Spiritual Tradition]. In *Vestnik PSTGU. II. Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. Vy`p. 2(63): 9–17.
- Shheglov A.D. 2017. Reformaciya v Shvecii: soby`tiya, deyateli, dokumenty` [Reformation in Sweden: Events, Figures, Documents]. Moscow-Saint-Petersburg, Centr gumanitarny`x discipline, 384 p.
- Braudel F. 1974. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. II. London: Harper & Row, 1375 p.
- Brewer J. 1989. The Sinews of Power. War, Money and the English State, 1688–1783. London, Unwin Hyman, 253 p.
- Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany. Oxford & New York: Cambridge University Press, 1–22.
- Brúning A. 2008. Confessionalization in the *Slavia Orthodoxa* (Belorussia, Ukraine, Russia)? – Potential and Limits of a Western Historiographical Concept in Religion and the Conceptual Boundary. Central and Eastern Europe. Encounter of Faiths. New York: Palgrave MacMillan, 66–97.
- Chaunu P. 1966. La civilisation de l'Europe classique. Paris: Arthaud, 705 p.
- DeVries K. 1998. Gunpowder Weaponry and the Rise of the Early Modern State in War in History. № 5(2), 127–145.
- Downing B.M. 1988. Constitutionalism, Warfare, and Political Change. Early Modern Europe in Theory and Society. Vol. 17. № 1 (Jan), 7–56.
- Eder K. 1949. Die Kirche im Zeitalter des konfessionellen Absolutismus (1555–1648). Wien: Herder Verlag, XVII. 459 p.

- Henshall, N. 1992. *The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy*. London & New York, Longman, 245 p.
- Kollmann N.S. 2012. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.
- Lotz-Heumann U. 2008. *Confessionalization. Reformation and Early Modern Europe: A Guide to Research*. Kirksville: Truman State University Press, 136–160.
- Lotz-Heumann U., Pohlig M. 2007. *Confessionalization and Literature in the Empire, 1555–1700*. *Central European History*. Vol. 40. № 1 (Mar.), 35–61.
- MacKenney R. 2002. *Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict*. London: Macmillan, 393 p.
- Morrisey N. 2015. *Confessionalism and Conversion in the Reformation* [Электронный ресурс]. URL: <https://centaur.reading.ac.uk/40746/>
- Oestreish G. 1969. *Strukturprobleme des europäischen Absolutismus*. *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Bd. 55, 329–347.
- Reformation and Early Modern Europe: A Guide to Research*. 2008. Kirksville: Truman State University Press, 456 p.
- Reinhard W. 1983. *Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie der konfessionalen Zeitalters*. *Zeitschrift für Historische Forschung*. Bd 10, 257–278.
- Roberts M. 1967. *The Military Revolution, 1560–1660*. Roberts M. *Essays in Swedish History*. London, 195–225.
- Roscher W. 1847. *Umriss zur Naturlehre der drei Staatsformen // Allgemeine Zeitschrift für Geschichte*. # 7, 79–88, 322–365, 436–473.
- Schilling H. 1988. *Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648*. Berlin: Siedler Verlag, 507.
- Schilling H. 1988. *Die Konfessionalisierung im Reich. Religiöser und gesellschaftlicher Wandel in Deutschland zwischen 1555 und 1620*. *Historische Zeitschrift*. № 246, 1–45.
- Schilling H. 1992. *Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society*. *Essays in German and Dutch History*. Leiden: Brill, 434 p.
- Schmidt H.R. 1992. *Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert*. München; Oldenbourg, 153 p.
- Schmidt H.R. 1997. *Sozialdisziplinierung? Ein Plädoyer für das Ende des Etatismus in der Konfessionalisierungsforschung*. *Historisch Zeitschrift*. Band 265, 639–682.
- Zeeden E. 1958. *Grundlagen und Wege der Konfessionsbildung in Deutschland im Zeitalter der Glaubenskämpfe*. *Historische Zeitschrift*. № 185, 249–299.
- Zeeden E.W. 1985. *Konfessionsbildung: Studien zur Reformation, Gegenreformation und katholische Reform*. Stuttgart: Klett-Gotta Verlag, 391 p.
- Zeeden E.W. 1956. *Zeitalter der europäischen Glaubenskämpfe, Gegenreformation und katholische Reform*. *Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte*. VII. Heft 3, 321–368 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.10.2024

Received 29.10.2024

Поступила после рецензирования 17.11.2024

Revised 17.11.2024

Принята к публикации 19.11.2024

Accepted 19.11.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

[ORCID: 0000-0002-4092-8992](https://orcid.org/0000-0002-4092-8992)